

Я всегда останусь Сюзанной

Имя Анны НЕТРЕБКО прозвучало впервые в 1993 году, когда юная студентка Санкт-Петербургской консерватории (по классу Т.Новиченко) стала лауреатом Конкурса имени М.И.Глинки. А уже через несколько месяцев она – стажер Мариинского театра, где сразу же включается в работу над готовящейся постановкой “Свадьбы Фигаро” Моцарта. Поначалу Анна репетирует Барбарину, но очень скоро ее “переводят” в Сюзанну, и в апреле 1994 года она дебютирует на Мариинской сцене в премьерных спектаклях этой оперы. Пройдет еще несколько месяцев, и ее Сюзанна отправится с Мариинским театром в свое первое зарубежное турне: сначала на гергиевский фестиваль в финском Миккели, оттуда – в Гамбург, на Шлезвиг-Гольштейнский фестиваль. Следующая работа Анны Нетребко в Мариинке – Людмила (“Руслан и Людмила” М.Глинки) – вскоре откроет перед ней двери Оперы Сан-Франциско, откуда еще через небольшое время начнется ее самостоятельная международная карьера. Сперва Анна покоряет Америку – Сан-Франциско, Вашингтон, Лос-Анджелес, наконец, Нью-Йорк, Метрополитен-опера. Затем приходит черед Европы, завоевание которой начинается с большого турне, в которое отправляется с родной Мариинкой ее Наташа Ростова. Затем следуют сенсационный дебют на Зальцбургском фестивале, выступления в Ковент-Гарден и еще многое другое.

Мы беседуем с Анной Нетребко во время фестиваля “Звезды белых ночей”, в рекламной продукции которого ее лик занимает весьма заметное место. Скоро ей предстоит отправиться в Зальцбург. А пока я пытаюсь выведать, в какой именно момент подающее большие надежды юное дарование по-настоящему ощутило себя мировой звездой. Анна эта тама, похоже, не совсем по душе, и отвечает она поначалу односложно.

– Не знаю. Не чувствовала...

– Букавало с самого дебюта о вас сразу говорили как о звезде восходящей. Прошло не так уж много времени, и повсюду появились плакаты с вашим изображением, вы замелькали на обложках журналов и т.д. Вот этот момент перехода в другое качество вы сами для себя как-то отметили?

– Когда стала звездой и стала ли – это последнее, наверное, о чем я думаю в своей жизни. Для кого-то стала, а для кого-то – нет. Плакаты и журналы, конечно, замечательно, но это еще далеко не все.

– И тем не менее с самого начала вы себя на это настраивали? Или для вас было пределом мечтаний просто выйти на сцену – тем более Мариинского театра?

– Когда одни мечты сбываются, то со временем обязательно появляются какие-то новые мечты, какие-то новые высоты – то, к чему надо стремиться дальше. Без этого – никак, иначе вы начнете медленно падать вниз.

– Сегодня вы востребованы в разных частях света, и вам часто приходится перелетать из одного места в другое, перемещаться по часовым поясам. Вас это сильно утомляет или пока еще по молодости вы не слишком чувствительны к подобным вещам?

– Еще как чувствую! Несколько лет назад я даже очень долго была больна из-за этого – как раз перед своим дебютом в Ла Скала, который в результате так и не состоялся. И причина заключалась именно в том, что от бесконечных перелетов, бесконечного пения, смены поясов организм мой вышел из баланса, я потеряла всяческий тонус и была совсем никакая. Эта странная болезнь продолжалась на протяжении почти полугода, пока я не отдохнула как следует, не напичкала себя витаминами, прежде чем пришла в какую-то норму. Так что все это действительно выбивает из колеи. Сейчас я стараюсь быть гораздо осторожнее. И когда меня Валерий Абисалович Гергиев

просит иногда: не могла бы ты прилететь из Сан-Франциско спеть Людмилу? – я отвечаю: нет. Потому что мне здоровье мое не позволяет. Уже не говоря о том, что я теперь вообще не имею права петь плохих спектаклей. Мне, может быть, лучше отказаться, чем спеть плохой спектакль.

– А вас никогда не посещает мысль, что вот хорошо было бы родиться лет этак на сто пораньше, когда вместо самолетов были кареты?

– Когда я была маленькая, то действительно хотела жить в XIX веке или даже, может быть, в XVIII, но сейчас я совершенно этого не хочу, потому что вся эта антисанитария... Мне очень нравится, когда есть горячая вода, когда есть комфорт, есть самолеты, которые быстро летают.

– Два года назад вы дебютировали в Зальцбурге – в “Дон Жуане” с великим маэстро Николаусом Арнонкурмом. Как вы к нему попали? Ведь у него своя постоянная команда...

– Арнонкур несколько лет искал Донну Анну – такую, какая ему была нужна, которая бы ему понравилась. У него было свое понимание этой партии, и с самого начала он не хотел больших женщин с большими громкими голосами. Когда мне предложили прослушаться – а я была, наверное, одной из сотни претенденток, – сама эта идея показалась мне какой-то несерьезной, потому что партия не для моего голоса. И даже мои близкие друзья все до одного говорили, что это бред... А я смеялась и отвечала: почему бы нет, они мне оплачивают проезд. Приехала, спела прослушивание, понравилась Арнонкурму, и неожиданно оказалось, что все по голосу.

– К тому времени вы уже заявили себя как моцартовская певица. Тем не менее встреча с Арнонкурмом как-то заставила вас пересмотреть свой взгляд на любимого композитора?

– Вы знаете, нет. Не было какой-то такой особой переделки, все происходило очень естественно: я просто на него смотрела, слушала, что он говорил. Он меня особенно много не исправлял, его все устраивало с самого начала. Над речитативами, конечно, он работал, потому что у него свой взгляд на то, как это должно звучать, или на апподжатуры, почему они должны быть сверху, снизу и т.д. Очень часто он просил не следовать ритму, а иногда даже и мелодии, а почти говорить, где-то даже шептать, чтобы в речитативе была как бы почти разговорная речь. Мне это нравится. Потом, когда я пела Донну Анну в Ковент-Гарден, какому-то критику очень не понравилось, что часть речитатива я произношу вполголоса, как будто проговариваю все, но мне кажется, что это интересно. И я с удовольствием еще поработала бы с аутентистами.

– Может быть, попробуете еще поглубже погрузиться в XVIII век?

– Нет, это уже барокко. У меня было много подобных предложений, но я давно для себя решила: либо петь барокко, либо все остальное. Это совершенно иной стиль, и сочетать одно с другим мне кажется невозможным. Кто-то может, но лично я не могу – люди же все разные. И я предпочла остаться на бельканто, потому что моей индивидуальности, думаю, это ближе.

– Но вот, например, генделевская Клеопатра, кажется, прямо для вас создана...

– Нет, я пыталась петь эту партию, она мне неудобна. Может быть, я и смогла бы ее сделать, но для этого мне пришлось бы отказаться от всего остального, что я пою. А я не хочу этого делать. Предпочитаю “Лючию”, “Сомнамбулу”, “Пуритан”, “Травиату”. Есть много замечательных певцов для барокко. А я лучше буду петь что-нибудь другое.

– Таким образом, свое дальнейшее развитие вы связываете прежде всего с бельканто, Моцартом...

– У Моцарта осталось не так много партий, которые я могла и хотела бы

А. Нетребко

петь. Если я спела Донну Анну, это еще не значит, что я должна переходить на такие партии, как Графиня или Фьордилиджи. Скорее всего, в “Идомеене” я через пару лет перейду с Илии на Электру, но более крепкие партии – нет, нет и нет. Я всегда останусь Сюзанной... Основным приоритетом на ближайшие сезоны для меня будет бельканто, и еще – французская музыка, которой я должна много заниматься, чтобы это было хорошо. Уже есть контракты на “Ромео и Джульетту” Туно и “Манон” Массне.

– В каком-то из недавних интервью вы сказали, что не будете больше петь русскую музыку. Но вот на последних “Декабрьских вечерах” сделали прекрасную рахманиновскую программу...

– Я не говорила, что не буду петь русскую музыку. Я говорила, что мало ее пою, потому что для моего голоса подходят только несколько опер Римского-Корсакова и Глинки. Я не могу петь Чайковского, хотя, наверное, нужно попробовать. Меня вот все просят петь Татьяну, – не знаю, может быть, года через два... А Рахманинова я люблю, и даже, наверное, он – один из самых любимых композиторов. Я не очень люблю давать сольные концерты с фортепиано, мне больше нравится петь с оркестром. Но вот когда исполняешь Рахманинова, появляется такое ощущение, что под тобой оркестр. Никто меня никогда не учил, как петь Рахманинова, какие там традиции, какой стиль, – я во всем иду от своих ощущений: вслушиваюсь в гармонию, читаю внимательно текст, пытаюсь понять, что там подразумевалось, и это все передать. Я выступала со многими пианистами, и они говорили: у тебя все совершенно по-другому, не так, как было раньше. А я всегда отвечаю: ну и хорошо, почему обязательно должно быть так, как было раньше? Пускай будет по-другому.

– Какие обязательства накла-

дывает на вас ваш контракт с “Deutsche Grammophon”? Сколько вы должны с ними записывать?

– Пять дисков.

– В год?

– Нет, всего. Причем необязательно именно сольные диски – это может быть и запись целой оперы, в том числе на DVD.

– После своего прошлогоднего дебютного диска что вы уже успели записать?

– В августе выходит мой второй диск, с Клаудио Аббадо. Мы записывали его в марте этого года.

– И как вам работало с Аббадо?

– Великолепно. Наверное, это был один из самых лучших, самых запоминающихся музыкальных опытов в моей жизни. Я очень счастлива и благодарна судьбе, что мне выпало работать с этим великим музыкантом. Вокруг него – какая-то аура, какая-то неземная совершенно энергия, и атмосфера, которая была на этой записи, она совершенно непередаваема.

– А какую вы программу записывали?

– В основном бельканто, сцены из опер. Диск называется “Sempre Libera”, и там, конечно, есть “Травиата”, есть “Пуритане”, есть сцена сумасшествия из “Лючии”, сцена из “Сомнамбулы”, а также из “Отелло” Верди. Эта опера мне, конечно, не по голосу, и я не буду ее петь на сцене, но в данном случае это была просьба Клаудио, и я не могла отказать. Я попробовала, и, по-моему, получилось очень даже неплохо.

– А сколько времени у вас ушло на этот диск и сколько – на предыдущий?

– Я записывала его пять дней, а первый – четыре.

– Это условие фирмы?

– Да. Еще спасибо, сейчас они мне давали отдыхать между записями. В прошлый раз у нас был большой скандал на этой почве, я даже всто-

минать не хочу. Первый диск был совершенно кроваво записан, тем более что я по неумению своему и незнанию очень много ошибок допустила. И плюс я еще, конечно, волновалась, потому что мне аккомпанировал один из лучших оркестров мира, и уже один этот факт не давал мне расслабиться, и я так старалась петь хорошо, что иногда получалось наоборот. В общем-то, конечно, такую программу, какую я выбрала для первого диска, невозможно записать за четыре дня. В итоге что-то получилось, что-то – нет. Но сейчас это бестселлер, уже больше ста тысяч продано, значит, людям нравится.

– Часто ли вы сами бываете довольны своими выступлениями?

– Ну как вам сказать? Я критична к себе, но не до какого-то безумия – крикнула какую-то ноту и ходишь мучаешься три дня – нет, такого нет. Все бывает – мы живые люди, и часто мне приходится выступать, когда самочувствие и состояние здоровья не на самом лучшем уровне. Но если я допускаю досадные оплошности – какую-то ноту чересчур раскрыла и т.д. – тогда я говорю себе, что в следующий раз не надо этого делать, и пытаюсь исправить свои ошибки. Да и потом, есть люди, которым я доверяю, чье мнение для меня важно, и они всегда говорят, если что-то не так. Но самое лучшее – это когда ты себя можешь послушать – записываешь спектакль на видео или на аудио, и там уже все ясно, что ты сделал так, а что – не так.

– А чьи записи вам больше всего дают для дальнейшего творческого роста? Вообще кого из певцов прошлого и настоящего вы считаете для себя чем-то вроде эталона?

– Я не очень часто слушаю записи, потому что последнее время приходится очень много работать, и просто не тнешь слушать музыку. А уж если я слушаю, то слушаю очень серьезно и не люблю, чтобы меня что-то отвлекало. Из певцов я очень люблю

Миреллу Френи, именно она мне всегда очень хорошо помогает настроиться. Очень люблю слушать Марию Каллас, но учиться с нее нельзя. Я немного занималась с Ренатой Скотто – она потрясающая: и голос, и интерпретация, и знание бельканто. Впрочем, я слушаю не только сопрано – очень много замечательных теноров, баритонов из прошлого. А из сегодняшних мне нравится Натали Дессей, французская колоратура. Мне также очень нравится Анжела Георгиу. Я слышала ее живьем и, если не углубляться в вопросы вкуса, поет она действительно хорошо – не только на записи.

– Вам, можно сказать, везло с дирижерами и, кажется, гораздо меньше – с режиссерами. Часто ли случалось, что предложения режиссера были вам интересны, пожелали на вашу индивидуальность?

– Мне доводилось работать с режиссерами, которые доминируют над всем, и мы не всегда находили общий язык. Но с настоящими тиранами я еще не работала, так что не могу сказать, что у меня с режиссерами возникали какие-то такие особые разногласия.

– Но и сказать про кого-то, что вот это – мой режиссер, вы тоже не можете?

– Пока не могу... Есть много хороших режиссеров, которые просто дают тебе раскрыться – уже большое спасибо. Я, наверное, даже скорее предпочитаю таких режиссеров, чем тех, кто заставляет делать что-то такое, что идет против твоего естества.

– В последнее время иногда начинает казаться, что вы пробуете создать себе имидж, какой раньше бывал лишь у поп- или кинозвезд, с привнесением какого-то элемента скандальности. По крайней мере, это явственно скользит в некоторых ваших интервью. У вас есть консультант по имиджу?

– Консультантов по имиджу у меня нет, и я прогнать всех, кто мне что-то начнет говорить про имидж. Нет у меня никакого имиджа. Просто я нормальная молодая женщина, мне почти тридцать три года, я неравнодушна к моде, с ума схожу по платьицам, туфелькам и прочим вещам – слава Богу, я могу позволить себе все это купить. Я не думаю пока о семье – может быть, через несколько лет, но не сейчас, потому что жизнь настолько интересна. Я никогда себя не заковываю только в музыку, в классику, потому что это накладывает такой отпечаток ограниченности. Мне так кажется. Никакой имидж я специально не делаю, просто то, что я говорю, газеты, пресса тут же хватают, им это нравится. И даже очень часто фразы, которые я говорю с одним значением, они переделывают на совершенно другое. Последнее, что я прочла, – “Фокс”, очень большой такой журнал в Германии, я там на обложке, значит, сию, и заголовок: “Я часто пою во сне обнаженной”. А разговор был знаете про что? Я рассказывала, что у нас, у певцов, причем у многих, бываю иногда такие кошмары во сне, когда мы боимся, что чего-то не знаем, у нас какое-то такое волнение и нам даже иногда снится, что на сцене мы поем без одежды, пытаемся прикрыться, а все на нас смотрят, и нам страшно, то есть это какой-то психический страх, который надо в себе подавлять. Вот такая тема была. И что они из этого сделали? Впрочем, это не в первый раз, я уже даже на подобные вещи не обращаю внимания: хотят – пускай делают.

В общем, вся моя имиджевая политика состоит только в одном: женщина должна стараться выглядеть хорошо – не важно, какой имидж она себе выберет, и не важно, оперная она певица или кто-то еще...

– Каковы ваши пристрастия за пределами профессии – например, в чтении или, может быть, в живописи?

– Да, живопись очень люблю. Особенно в последнее время у меня ди-

кое пристрастие к немецкой станковой живописи XIV – XV веков, XVI, просто схожу с ума, это у меня любимое. Особенно мне нравится Крах. Из других – Гюстав Доре. Еще мне нравятся фарфор, хрусталь, изделия из стекла. А еще я люблю кино, часто в него хожу, смотрю почти все фильмы...

– А сами сниматься никогда не думали?

– Конечно, в детстве все хотят сниматься в кино, и я в этом смысле не составляла исключения. У меня была история на “Мосфильме”, я об этом как-то уже рассказывала. Мне тогда было восемнадцать лет, и я приехала на пробу. Пришел режиссер и говорит: “Давай!” Я так обалдела переспрашиваю: “Что?” А он повторяет: “Давай!” После этого желание сниматься в кино отпало навсегда. Но несколько лет назад я все-таки снялась. И не где-нибудь, а в Голливуде, на студии “Уолт Дисней”. Я тогда пела Лючию ди Ламмермур в Лос-Анджелесе, и там сразу пошел слух, что вот такая красивая девушка, да не просто поет, а еще и актриса. И все продюсеры стали ходить в оперу. Так меня и нашли. Это был фильм “Дневник принцессы-2” режиссера Гэри Маршалла, который снимал “Красотку”. Ну снималась – это громко сказано: так, небольшой эпизод, может быть, минуты две. Я там в этом королевстве пою на вечеринке у королевы, и они мне вручают награду, такую грушу, что-то типа местного “Оскара”, как лучшей певице. И меня в этом фильме зовут также – Аня Нетребко, я из России, приехала в эту страну выступать...

А что касается чтения, то я фанатка Бориса Акунина. Я вообще-то мало читаю – нет времени, а от этих книг! меня просто не оттащить за уши, и только жалко, что их так мало и они как-то очень быстро прочитываются – так он хорошо пишет, и такие характеры классные...

– Вы сейчас уже на сколько лет вперед расписаны?

– Юда на три-четыре.

– И что, например, предстоит в ближайшие год-два?

– После Зальцбурга, где я пою “Капулетти и Монтеки” Беллини, я еду в Филадельфию, где первый раз буду исполнять Норину в “Доне Паскуале”. Потом у меня Мюзетта в Метрополитен, потом еще один дебют – в Лос-Анджелесе я впервые спою Джульетту в опере Туно. Потом “Риголетто” в Ковент-Гарден, “Травиата” в Зальцбурге. Много всего в Вене – “Любовный напиток”, “Сомнамбула”, “Манон” Массне. “Манон” также будет в Берлине и Лос-Анджелесе. Еще через пару лет будут “Пуритане” Беллини в Метрополитен и там же “Дон Паскуале”...

– А в Мариинском театре в новом сезоне, кажется, предстоит “Риголетто”?

– Да, и я с удовольствием спою. Также с удовольствием буду петь “Царскую невесту” 28 декабря. И “Жизнь за царя” хотелось бы спеть. Только там совершенно дурацкий текст, я говорила – измените, но его все же оставили...

– Что бы вы больше всего хотели в будущем о себе прочитать?

– Я как-то не думаю об этом. Я сейчас уже, можно так сказать, многого достигла – популярность, успех, признание, как вы говорите, даже вот изображение мои повсюду. Но это все может исчезнуть через какой-нибудь год, сейчас же все в мире меняется быстро, и популярность может пройти так же быстро. И мне бы хотелось, чтобы эта популярность не была такой раздутой, искусственной, какой она в принципе сейчас немножко является.

Хотелось бы, чтобы меня знали не по портретам, а по спектаклям и концертам. Чтобы меня запомнили как хорошую певицу. Тогда я бы могла сказать, что действительно что-то такое сделала в своей жизни.

Беседу вел
Дмитрий МОРОЗОВ